

Русь и Печенеги.

Русская историография приучила нас смотреть на Печенегов, как на дикое, некультурное племя, имевшее гибельное, почти роковое значение для соседней Руси¹⁾; историкам пробуют вторить и археологи, хотя не имеют для этого по существу достаточных оснований,²⁾ поскольку печенежские древности не только не обследованы и не изучены ими, но собственно даже и не выявлены.³⁾ Между тем несомненно, что Печенеги были тесно связаны с первоначальной судьбой Киевской Руси, и взаимоотношения Печенегов и Руси должны глубоко интересовать каждого, кто пытается проникнуть в тайну зарождения и первоначальной организации Киевской Руси. Оказавшись близкими соседями Киевской Руси по своему переселению на Днепр в самом конце IX в., они несомненно сыграли свою роль в первоначальных судьбах этой Руси в эпоху X и начала XI в. в. — вплоть до рокового поражения Печенегов в 1036 г., столь отразившегося также на судьбе Киевской Руси и поведшего к «закладке» и обстройке Киева Ярославом, — что, конечно, знаменовало собой новый этап в истории той же Киевской Руси.

Появление Печенегов на нижнем Днепре вряд ли могло стоять без всякой связи с теми племенными осложнениями здесь среди славянства, которые летопись изображает как борьбу Полян с Древлянами и передвижение Уличей с Днепра на Запад.⁴⁾ Можно думать, что Печенеги не вытеснили отсюда совсем славянские племена, а вступили с ними в некоторый контакт. В последнее время не без основания с одной стороны

¹⁾ Некоторое исключение представлял П. В. Голубовский, — см. «Печенеги, Торки и Половцы» Киев, 1884.

²⁾ См. напр. новую работу проф. А. С. Федоровского — «Охорона пам'яток культури на Україні», Харьков, 1927, стр. 42.

³⁾ Попытка в этом роде была сделана покойным археологом Н. Е. Бранденбургом — см. его „Путеводитель по С. Петербургскому Артиллерийскому музею“, I, Спб., 1902 г., стр. 50—77, и др.

⁴⁾ Подробнее об этом см. в нашей книге «У истоков русской государственности», Ленинград, 1924 г.

подчеркивают стройную военную организацию Печенегов, а с другой — в степных племенах, подобных Печенегам, усматривают представителей социально-политической силы, лишь организуемой в качестве государственной верхушки местное население.¹⁾ Если при этом примем во внимание сведения Константина Багрянородного о широких торговых связях Печенегов с соседями — Византией, Русью, Херсонесом, Хозарией, Зихией и Дунайской Болгарией,²⁾ то у нас есть уже достаточные основания взглянуть на Печенегов и их историческую роль иначе и пересмотреть действительные исторические взаимоотношения Руси и Печенегов, на которые мы привыкли до сих пор смотреть, как на бесконечную, непримиримую вражду и борьбу. Так ли это?

Современник, писатель половины X века Константин Багрянородный на этот счет пишет так: «Россы стараются жить в мире с Печенегами», «быть с ними в союзе и получать от них помощь, потому что покупают у них лошадей, коров и овец», потому что далее, «если не находятся в мире с Печенегами», «не могут вовсе отправляться на войну в чужую землю» и «не могут приблизиться к царственному граду Ромеев (Византии) ни для войны, ни по торговым делам».³⁾ Тут естественно встает вопрос о Россах и Руси. Географические указания относительно местонахождения Руси Константина Багрянородного подтверждают в общем свидетельство нашего летописца о том, что «Поляне» это «яже ныне зовомая Русь» (под 898 г.). Независимо от такого или иного разрешения вопроса о происхождении имени «Русь»,⁴⁾ чрезвычайно сложного и спорного, мы можем принять эти свидетельства в том смысле, что в определенный исторический момент понятия «Руси» и «Полян» совпадали, и это как раз был момент сожительства Руси и Печенегов, т. е. X и первая половина XI в. Создается, таким образом, как будто полное противоречие между ясным показанием Константина Багрянородного и данными нашей летописи о взаимных отношениях Руси или Полян с Печенегами; естественно, что тут требуется внимательный пересмотр летописных данных на этот счет.

¹⁾ Срв. у А. Е. Преснякова в ст. «Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы» — «Яфетический сборник», V, Ленинград 1927; в основе последнего суждения лежат новые изыскания академика Н. Я. Марра.

²⁾ См. «Περὶ ἔθνων», гл. 1—8.

³⁾ См. «Περὶ ἔθνων», гл. 2.

⁴⁾ О чем см. в упом. книге «У истоков русской государственности».

Первое известие летописи о Печенегах¹⁾ связывается (под 915 г.) с именем родоначальника Киевской династии Игоря, погибшего впоследствии в борьбе с Дrevлянами за Поднепровье, — оно говорит о «мире» между Печенегами и Русью, заключенном без указания на предыдущую войну, а потом спустя некоторое время летопись свидетельствует даже о союзе) Игоря с Печенегами (944 г.). Правда, после, при Святославе, мы видим военные столкновения между этим князем с одной стороны и Печенегами и Хозарами с другой; но, во-первых, Святослав ведь не есть по существу князь земли Полян — не князь Киевский еще, это князь типа «пардуса» — «ни шатра имяше» (964 г.), явно пренебрегающий Киевом и землею Полян (969 г.), географически, так сказать, не самоопределившийся, это князь, беспокоящий своими походами Хозар и Печенегов; во-вторых, в связи с этим в летописном назидательном повествовании он стал конкретным олицетворением нравоучительной сентенции — «ты, княже, чужезя земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив» (968 г.), при чем имеют полное основание соображения А. А. Шахматова²⁾ о смутных воспоминаниях в народной памяти относительно деятельности и походов этого князя и о влиянии соображений и догадок и позднейших исторических аналогий на летописную компановку всего летописного рассказа о Святославе; наконец, в — третьих, во время похода Святослава в Дунайскую Болгарию мы видим в его войске отряд Печенегов. Зато в дальнейших исторических событиях после Святослава мы можем отметить факты военной помощи и поддержки Печенегами Полян, но при этом нужно помнить приведенную общую точку зрения Шахматова об односторонне тенденциозной трактовке летописью исторических событий за эпоху второй половины X века и даже начала XI в.⁴⁾ и не придавать большого и решающего значения летописной генеалогии князей и их родственным связям и отношениям между собой по летописи.

¹⁾ Тут мы не входим в обсуждение степени хронологической точности летописных сообщений — это в данном случае не важно.

²⁾ В связи с принимаемой нами ролью Игоря в утверждении Полян на Днепре такие взаимоотношения его с Печенегами могут говорить о связи движения к Днепру Печенегов и Полян и о контакте между ними в борьбе с Дrevлянами и Уличами.

³⁾ «Разыскания о древнейш. русских летописн. сводах», СПб., 1908, стр. 479—481, 487 и др.

⁴⁾ *Ibidem*, стр. 487: «Припоминания в тексте древнейшего (летописного) свода едва ли переходят время Ярослава» и т. д., также 316 и др.

Так, после Святослава, при продолжающейся, очевидно, борьбе Полян с Древлянами, когда Ярополк Полянский победил Олега Древлянского¹⁾ (были ль они действительно братьями, это вопрос неясный и в данном случае второстепенный), и именно в связи с этим — как будто на помощь Древлянам против Полян, собственно в целях использования этой здешней политической ситуации того момента, приходят в Поднепровье «Варяги из-за моря» с Владимиром и побеждают Ярополка (вопрос об их родственных связях тоже неясный и второстепенный) Полянского (может быть, подобно Игорю и Святославу не имевшего еще резиденции в Киеве, в связи с чем, возможно, стоит известие об осаде его в Родне, вероятно, на устье Роси), то Печенеги являются мстителями за смерть Ярополка и как бы защитниками Полян от Варягов (980 г.), чем и можно объяснить затем упорную длительную борьбу Владимира с Печенегами.

Таким образом, с развитием варяго-греческого пути, борьба Полян с Древлянами, идущая на Днепре в X в., в конце X в. и затем в начале XI в. переходит в упорную борьбу Варягов с Печенегами, длящуюся с перерывами по летописной хронологии от 980 до 1036 г. Как и большинство летописных известий о Владимире,²⁾ летописные данные о его борьбе с Печенегами носят легендарный и при том неясный характер (таковы предания о создании Переяслава 992—993 г. г. и Белгородском киселе 997 г.), но недаром сообщение известного письма Брунона говорит о заявленной Печенегами надобности в защите их от Владимира: видимо, в этой борьбе проявлялись — не столько натиск степи на север, сколько агрессивная политика в движении к морю нового Киева, создающегося при помощи варяжского оружия и византийской торговли. В соответствии с этим в деятельности Владимира замечается его враждебное отношение к степи и стремление оградиться от нее крепостями (988 г.). Вообще Владимир, видимо, скорее был сторонником Древлян, чем Полян, — недаром летописное предание ставит его в родственную связь по матери с Малом Древлянским — «Малком Любутчанином»;³⁾ отсюда и стремление Владимира опереться на «старцев градских» (996 г.), — элемент,

¹⁾ Срв. в «Разысканиях», стр. 372 и др.

²⁾ См. в «Разысканиях», стр. 487 и др.

³⁾ Ibidem, 373—377.

конечно, скорее древлянский, чем полянский. Таким образом, по существу неясная из летописи в подробностях, обвеянная легендами, борьба Владимира с Печенегами была продолжением борьбы Полян с Древлянами, иначе — степи с земледельческой лесостепью.

В этом, видимо, была причина того, что Владимиру не удалось создать сильной монархии,¹⁾ ибо степь ставила ему препоны на путях к морю, а путь через Чернигов к юго-востоку также, очевидно, не был в руках Владимира.²⁾ В событиях 1015—1019 г. г. мы снова видим продолжение старой полянско-древлянской борьбы, еще более осложненной яснее проявленным участием в ней Варягов и Печенегов. Киевский князь Святополк опирается на Вышгород — «Ольжин град», — видимо, полянский, — одолевает враждебного Печенегам князя Бориса³⁾ и князя древлянского Святослава и в момент нового движения Варягов на Киев (роль Ярослава тут, конечно, служебная) пользуется военной поддержкой Печенегов. Таким образом в лице Святополка, тенденциозно прозванного Окаянным и сильно затушеванного династически-религиозной легендой, мы видим представителя элемента полянско-степного, борющегося с Древлянами, а потом с Варягами, выставляющими против него в роли претендента на Киев Ярослава. В конечном итоге, как видно из летописи, Варяги как будто, по крайней мере пока, восторжествовали над Печенегами, продолжавшими поддерживать Святополка против Ярослава. Эта победа не могла не вызвать нового противодействия степи и повела к появлению на левом берегу Днепра в 1024 г. Мстислава с Хозарами и Касогами, в результате коего этими пришельцами с юго-востока была организована Черниговская держава, очевидно, союзная Печенегам, а Киев, вероятно, оставался под гегемонией Печенегов, ибо Варяги были отсюда прогнаны, да и Ярослав, видимо, засел на 10 лет вновь в Новгороде, где он чувствовал себя прочнее. Возможно допустить, что в это время в Киеве сидел союзник Мстислава и Печенегов — таинственный князь Судислав, пострадавший потом при катастрофе 1036 г.

¹⁾ Обычное преувеличенное представление о коей не имеет в летописи сколько-нибудь прочных оснований.

²⁾ Ибо не знаем о посадении в Чернигове Владимиром своего сына.

³⁾ Действительная историческая роль коего сильно потускнела от церковной легенды.

Лишь смерть в 1036 г.¹⁾ Мстислава открыла новые возможности для стремившихся на юг «Варягов», — Ярослав двигается с ними на Днепр. И здесь снова последнее отчаянное сопротивление покорению Полян со стороны Варягов и Ярослава оказывают Печенеги. В событиях 1036 г. Печенеги являются скорее всего защитниками полянского Киева; недаром решительное сражение против северных завоевателей происходит почти в самом городе — на месте будущего Софийского собора и имеет такие серьезные последствия для Киева и Новгорода²⁾ и в судьбе князей Ярослава и Судислава. Поэтому-то киевское поражение Печенегов 1036 г. послужило началом обстройки и расширения самого Киева и повело к установлению нового этапа в истории Киевской государственности. После этого Печенеги в массе устремляются на юго-запад — на Балканский полуостров к Византии и значительной политической роли на Днепре уже не играют, оставив здесь лишь небольшую часть своих соплеменников, которые, впрочем, еще долго сохраняют тут свою этническую обособленность (летописные упоминания лет — 1096, 1097, 1103, 1116, 1121, 1142, 1151, 1162, 1169, — Ипат.)

Такова в общих чертах схема взаимоотношений Печенегов и Полян, дающая основания утверждать, что Печенеги — дети того же «поля»,³⁾ что и Поляне, действительно, согласно показаниям Константина Багрянородного и расшифруемым свидетельствам нашей летописи, в общем жили скорее с ними в мирных и добрых отношениях, будучи связаны и экономически, и до некоторой степени государственно, ибо в критические минуты Печенеги, как видим, защищали местную полянскую государственность от иноземного завоевания, каковым следует считать по существу наступления на Киев северных Варягов (980, 1016, 1019, 1036 г. г.). И это вполне понятно, ибо Печенеги, подобно царским скифам⁴⁾ давней поры и позднейшим запорожцам, владели порогами, закрывавшими движение из Среднего Поднепровья в море, и тем тесно экономически были связаны с Киевской торговлей; при союзе их

¹⁾ Указание года Лаврент. вернее Ипат., ибо согласуется с византийским известием.

²⁾ Получающего теперь именно нового князя вместо Ярослава.

³⁾ Срв. сообщение 968 г. — «прогна Печенеги в поля».

⁴⁾ Большинство наиболее важных и богатых курганов, как известно, сконцентрировано вблизи порогов (Чертомлыцкий, Солоха и др.).

осуществлялись обоюдные торговые интересы — и печенежского Запорожья, и Киева, не могшего, как это верно подметил Багрянородный, вне союзных связей с Печенегами вести торговлю с Византией и морем вообще. Однако, с уходом Печенегов и победой в Киеве Варягов вопрос об отношениях Руси со степью не был покончен, а перешел лишь в новую стадию, в связи с чем и Печенеги не исчезают совсем с Киевского горизонта в XI—XII в. в., а продолжают свое сотрудничество с князьями Руси и в новую эпоху существования Киевского государства. Но она уже носит иной характер по сравнению с предыдущей эпохой X и начала XI в., в которую, как видим, Печенеги в истории Киевской Руси играли большую роль. Эта роль Печенегов в судьбах первой Киевской державы и засвидетельствованные письменно торговые интересы их склоняют видеть в Печенегах племя, способное к государственной и культурной жизни, вследствие чего археологам следовало бы внимательнее подойти к выявлению и изучению печенежских древностей.

Владимир Пархоменко.
